

ИСТОРИИ

**«Они нам говорили: вы не нужны
своему государству»** Фрагмент книги
Ольги Алленовой «Форпост. Беслан и его
заложники» — о встрече властей
с жителями города после теракта

07:23, 1 сентября 2019 · Источник: Meduza

Фото: Владимир Мукагов / ТАСС.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Пятнадцать лет назад террористы захватили школу №1 в Беслане. Погибли 333 человека, 783 получили ранения. «Медуза» публикует фрагмент книги Ольги Алленовой «Форпост. Беслан и его заложники», в котором родственники заложников встречаются с властями. Также книга доступна в аудиоформате в сервисе Bookmate Originals.

Встреча с прокурором

Через два месяца после трагедии к родственникам погибших заложников в Беслан из Ростова пришлось приехать замгенпрокурора России по Южному федеральному округу Николаю Шепелю. Беслан лихорадило. Потерпевшие рассказывали друг другу, что следователи записывают не все их показания, как будто подгоняя свидетельства очевидцев под заранее нарисованную картину. Люди считали, что власти хотят скрыть от них правду. Все хотели знать, от чего погибли заложники, кто руководил оперативным штабом на самом деле, зачем ввали про 350⁽¹⁾ заложников и про отсутствие требований у террористов, почему произошел первый взрыв в спортзале, кто отвечал за спасательную операцию и координацию сил. Каждый день люди ходили на кладбище, а потом — к Дому культуры, где многие из них провели страшные сентябрьские дни.

Бесланские женщины создали общественный комитет «Матери Беслана» и начали свое собственное расследование обстоятельств трагедии. В Беслане наступило полное разочарование властью.

Из показаний потерпевшей Светланы Бероевой:

— Я отправила детей в школу. Отправила старшую дочь с внуками. Два внука у меня погибли там. Все три дня я надеялась, что наше правительство, наше государство поможет им. Однако этого не произошло. Мои внуки, которых я воспитывала с 4 месяцев, близнецы, погибли.

3 ноября 2004 года я пришла в Дом культуры — с утра было известно, что сюда по приглашению «Матерей Беслана» приедут прокурор и следователь. Ждали и президента Северной Осетии Александра Дзасохова. Он не приехал, вместо него в зал вошли бывший глава Правобережного района Борис Уртаев, ушедший в отставку сразу после теракта, его преемник Владимир Ходов, замгенпрокурора Николай Шепель и следователь Генпрокуратуры Константин Люфи («Ъ», 05.11.2004, «Беслан изгнал прокурора»). Было три часа дня, в зале собралось больше тысячи человек. Ходов сказал, что желание бесланских жителей власти слышали и сейчас официально расскажут, как идет следствие по теракту. Эту задачу на себя взял Шепель. Он сообщил, что боевиков было 32, и 27 из них опознаны. Что приехали они на армейском ГАЗ-66, накрытом тентом. Что

террористы употребляли наркотики. Что в Малгобекском районе Ингушетии, в лесу под Пседахом, обнаружили лагерь террористов, в связи с чем начальника РОВД этого района привлекли к ответственности. Заодно привлекли к ответственности и начальника РОВД Правобережного района Северной Осетии — за то, что у школы не было милицейского патруля. Все правоохранители обвиняются в халатности.

Из зала крикнули, что все это давно известно, и люди ждут от прокурора других ответов.

— Мы видели, что террористов было больше, чем 32,— сказала какая-то женщина.

— Мы знаем, что в школе еще до захвата было спрятано оружие,— вторил ей мужской голос.— Почему вы это отрицаете?

Шепель ответил, что у следствия нет других данных о количестве террористов, но если они появятся, никто не станет заикливаться на цифре 32. Также следствие убеждено, что до теракта оружия в школе не было, террористы принесли его с собой.

Тут зал взорвался. «Оружие было! — кричали со всех сторон.— Его там было столько, что они не могли привезти его с собой на одной машине!»

Со своего места встала Сусанна Дудиева⁽²⁾ и направилась к микрофону. Она была в черном платье и черном платке, большие черные глаза блестели так, что видно было из задних рядов. Она сказала, что жителей Беслана не устраивает версия следствия. Что полуправда никому не нужна. Что прокуратура расследует причины и обстоятельства, сделавшие захват школы возможным, но в Беслане эти причины все знают:

«Коррупционированность власти, органов внутренних дел, людей, которых президент Дзасохов собрал вокруг себя».

Зал загудел: «Правильно!»

«Зачем спрашивать с рядовых милиционеров, которых отстранили и судят? — продолжала Дудиева. — Уволено 40 рядовых сотрудников, но не уволен никто из чиновников высшего ранга. Как они допустили этот теракт? Незадолго до него было нападение на Назрань⁽³⁾, и это не стало для них уроком!»

Она была права. Весной и летом 2004 года — сразу после президентских выборов и инаугурации Владимира Путина, заступившего на второй срок, — Россия содрогнулась от террористических актов. После убийства Ахмата Кадырова на грозненском стадионе в мае 2004-го вооруженные боевики напали на несколько административных зданий и правоохранительных органов в столице Ингушетии Назрани — это случилось

24 июня. Спустя два месяца, в августе 2004-го смертники взорвали в воздухе два самолета, летевших из Москвы в Волгоград и в Сочи, а 31 августа произошел взрыв у метро «Рижская» в Москве. Весь август на Кавказе ждали новых терактов, у спецслужб была оперативная информация о возможном захвате заложников. Но ждали этого в Ингушетии, а не в Осетии.

Права Дудиева и в том, что за теракт в Беслане были наказаны лишь должностные лица на местах. Министр внутренних дел Северной Осетии Казбек Дзантиев сам подал в отставку сразу после Беслана. Глава района Борис Уртаев — тоже. Освобожден от должности глава УФСБ по Северной Осетии Андреев. Его, впрочем, перевели на новую работу в системе ФСБ. Отстранен бывший начальник РОВД Правобережного района Мирослав Айдаров — на него завели уголовное дело, хотя он заступил на этот пост за месяц до трагедии. В сентябре Дзасохов отправил в отставку правительство республики. Но пострадавшие от теракта ждали не этого. Здесь уже все знали, что генералы Проничев и Анисимов находились в Беслане с вечера 1 сентября. Не было точных данных, где именно они работали — сначала говорили, что в аэропорту Беслана, который был оцеплен войсками, позже — что в районной администрации, где занимали отдельный кабинет. Официальным руководителем штаба был Андреев, он вместе с Дзасоховым находился в администрации

района с 1 сентября. Однако кто и чем руководил, было совершенно непонятно. Официально Андреева назначили лишь 2 сентября. Дзасохов был лишь номинальным руководителем в первый день, как и Андреев — во второй и третий. Между Дзасоховым и Андреевым были разногласия. Дзасохов считал, что нужно вести переговоры и выполнять требования боевиков ради освобождения заложников, Андреев — что это укрепит позиции бандитов и создаст прецедент, потому что боевики будут знать, что таким способом можно разговаривать с властью. По-своему оба были правы, только за Дзасоховым стояли реальные заложники из его республики, а за Андреевым — абстрактные, возможные в будущем. С приездом московских генералов эти разногласия потеряли актуальность, мнения Дзасохова больше не спрашивали.

Люди в бесланском Доме культуры хотели знать, кто отдал приказ стрелять по школе из тяжелого вооружения в те часы, когда там еще находились заложники. У многих погибших на теле найдены огнестрельные и осколочные ранения. Многие были сожжены — и их родные хотели знать, отчего случился такой страшный пожар.

У Шепеля спросили, кто вел переговоры с террористами и «кто ответит за то, что они не состоялись».

— Были приглашены профессионалы из Москвы, специализирующиеся на переговорном процессе, — ответил прокурор.

— Назовите их!

Шепель покачал головой. Он не мог сказать больше, чем ему разрешили.

Старший следователь Люфи пришел ему на помощь: «Террористы не выдвигали никаких требований». Вот это он сказал напрасно.

— Зачем вы врете? — закричали в зале.

— Они начали выдвигать требования сразу! — крикнула женщина по имени Фелиса, которая была в заложниках.

— Мы все знали про их требования! — поддержали ее другие. — И власти про них знали!

— Они нам говорили: вы не нужны своему государству, ваше государство даже не говорит, сколько вас тут, — сказала Фелиса.

С другого конца зала мужчина закричал:

— Штаб нам говорил, что детям давали еду и воду, а им ничего не давали!

Прокурор и следователь сидели молча, глядя в стол.

К микрофону позвали заведующую районо⁽⁴⁾ Зарему Турманову. У нее спросили, почему она в первый день захвата не передала в штаб списки учащихся в школе.

— А у нас никто не просил эти списки, — растерянно произнесла Турманова. — Я не знала, кому их надо было давать.

Зал снова зашумел. Слова Турмановой означали только одно: оперативный штаб знал, сколько заложников в школе. Знал, но продолжал утверждать, что там всего 350 человек. Зачем?

Марина Пак⁽⁵⁾ сказала, что власти намеренно скрывали эту информацию. В зале громко заговорили о том, что террористы в первый же день поняли — раз власти говорят про 350 заложников, значит, будет штурм. И что боевики злились и угрожали убить всех и оставить 350.

К микрофону пригласили Бориса Уртаева. Многие в зале считали его виновным, потому что как глава района он видел, что происходит в штабе, и должен был принять какие-то меры. Уртаев не стал оправдываться — у него четыре родственника погибли в школе: «У меня не было ни сил, ни средств, чтобы защитить их. Я не военный, у меня нет таких полномочий. Но если бы мне подчинялось РОВД, этой трагедии не случилось бы». Вероятно, он хотел сказать, что, имея полномочия, дал бы приказ в первые минуты теракта освободить

заложников — пока зал еще не был заминирован. В таком случае жертв было бы гораздо меньше. Об этом тогда говорили многие мужчины в Беслане, обвиняя милицеейское начальство в нерешительности.

Уртаев ответил еще на одно обвинение. Он сказал, что ремонт в школе проводило местное ремонтно-строительное управление, и даже назвал фамилии ответственных за ремонт. Он не сказал прямо, что строители не могли спрятать оружие в школе, — но его мысль поняли.

Тут решила сказать два слова и директор школы № 1 Лидия Цалиева. Ее в Беслане обвиняли в том, что она наняла ремонтно-строительную бригаду за бесценок и что эти рабочие якобы спрятали во время ремонта в школе оружие. Откуда появились эти слухи, трудно сказать. Заложники вспоминали, что за неделю до теракта видели в Беслане на рынке некоторых террористов. Видели их и на территории школы. Ходили слухи, что заложников выводили в библиотеку и актовый зал разбирать полы, чтобы достать оттуда оружие. Говорили и о том, что Лидия Цалиева перенесла линейку с 10 на 9 часов утра, и боевики об этом знали. Еще она пила чай с боевиками.

На все эти обвинения существовали разумные ответы: боевики могли появляться на территории школы и города, проводя разведку; ни один заложник официально не дал показания о том, что разбирал пол в библиотеке и доставал оттуда оружие; линейку перенесли из-за жары, и это было согласовано с районо; а чай Цалиева пила с террористами, чтобы установить с ними доверительные отношения и добиться для заложников каких-то послаблений. Наконец, у директора в школе были внуки, и сама она была ранена 3 сентября. Но она не смогла всего этого сказать. Она знала, что ее обвиняют. На стенах школы каждый день появлялись проклятия в ее адрес.

— Я здесь проработала всю свою жизнь, — сказала 70-летний директор. — Я люблю мой город, мой народ,

а теперь я стала виновной. Но я не виновата. 1 сентября я была счастлива вместе со всеми.

Зал гудел.

— Почему ты их не спасла?

Цалиева поняла, что ей ничего больше не дадут сказать, и вернулась на свое место.

Один из бывших заложников в это время сказал в микрофон, что его самого боевики заставляли носить из библиотеки в спортзал оружие и взрывчатку.

Он считал, что оружие в школе было спрятано до теракта.

— Погодите,— вскочил Люфи,— я вас допрашивал, вы мне сказали, что оружия в школе не было.

На это мужчина ответил, что к нему домой приходили люди в форме и угрожали: «Сказали — если будешь говорить про оружие, сгноим».

Люфи предложил пострадавшему «пройтись», но зал закричал: «Оставьте его в покое!»

Видя, что раздражение растет, Шепель призвал людей успокоиться и сообщил, что следствие продлено до 1 января, потому что первые показания свидетелей были слишком эмоциональны и нужно опросить

их повторно. Он обещал, что опросят всех и что первые выводы появятся в 2005 году.

Но миссия ему не удалась — зал не успокаивался, он считал, что следователи тянут время.

Шепеля спросили, кто руководил оперативным штабом и отвечал за освобождение заложников.

Он поднял глаза от стола и произнес:

— Президент Дзасохов и начальник УФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев.

— Почему один уволен, а другой нет? — закричали со всех сторон.

— Мы сюда пришли, чтобы Дзасохова увидеть и в глаза ему посмотреть!

— Нас три дня обманывали, говорили, что ситуация под контролем! И всю ответственность за это несет Дзасохов, потому что он давал нам клятву и обещал, что никто не погибнет!

Шепель молчал. Тогда ему велели уйти. Он ушел вместе с Люфи, а в зале остались только местные. Они стали говорить о том, что нет никакой информации о следствии, нет возможности контролировать ход расследования. Что на свидетелей давят, чтобы скрыть какую-то информацию. Что после теракта в Беслане

живут одной надеждой на то, что виновных накажут, и такое больше не повторится, и тогда жертвы не будут напрасными. Марина Пак сказала, что после смерти дочери нет жизни, но надо дожить, чтобы увидеть, как накажут виновных.

Алла Ханаева вспомнила о том, что было внутри школы 3 сентября:

— После взрывов я с дочкой убегала в столовую. В зале было много раненых, они кричали. Их можно было спасти, но потом были выстрелы, все загорелось, и они сгорели заживо.

В зале заплакали.

Из заключения комплексной криминалистической (ситуационной) экспертизы по действиям оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией 1–3 сентября 2004 года в Беслане от 23.12.2005 (Опубликовано на сайте pravdabeslana.ru):

«В результате взрывов в помещении спортивного зала, как следует из заключений судебно-медицинских экспертиз, погибло не менее 250 заложников. [...]

В 14 часов 50 мин. в спортзале начался пожар. Пожаротехнической экспертизой установлено, что эпицентр возгорания находится под потолком над

выходом из спортзала, где обнаружены следы выстрелов из РПГ-18».

Алла продолжила дрожащим голосом:

— А когда мы забежали в столовую и начался обстрел, дочка моя сказала: «Мамочка, я умираю, мне попало в бок».

Ее дочь умерла.

Это собрание было похоже на сеанс массовой психотерапии: люди выговаривали свою боль и своими слезами поддерживали друг друга. Я никогда такого не видела. Я плакала вместе с ними.

Они решили написать письмо президенту Путину с просьбой ускорить расследование, сделать его прозрачным, отнестись внимательнее к показаниям потерпевших, установить виновных и наказать их. Сусанна Дудиева рассудительно сказала, что они «не вправе винить все государство». У них не осталось ничего, кроме надежды на справедливый суд.

И они бросили все оставшиеся силы на эту борьбу. Это была их борьба со смертью. За жизнь.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

**Путин всего один раз посетил Беслан после 2004 года.
Что делает президент в годовщину теракта**

**«Новая газета» выпустила фильм к 15-летию теракта
в Беслане**

**В павильоне истории России на ВДНХ заклеили даты,
связанные с «Курском», «Норд-Остом» и Бесланом**

**«Штурм готовились начать в четыре часа дня,
но взрывы прогремели раньше». Полпред Путина
на Северном Кавказе — о теракте в Беслане**

Беслан, «Норд-Ост» и точка невозврата Фрагмент
книги Катерины Гордеевой и Чулпан Хаматовой
«Время колоть лед»

(1) Количество заложников

После теракта власти утверждали, что в школе было 350 заложников. На самом деле их было 1128.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Сусанна Дудиева

В момент описанных событий — председатель комитета «Матери Беслана». Во время теракта погиб сын Сусанны Дудиевой — Заур Дудиев. Дочь Залина Дудиева получила ранение.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Нападение на Назрань

Вооруженное нападение чеченских и ингушских боевиков на Ингушетию в 2004 году. 98 было убито, 104 — ранено. В основном это были сотрудники МВД и ФСБ.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Районо

Районный отдел народного образования

[Вернуться к тексту](#)

(5) Марина Пак

Мать погибшей во время теракта 12-летней Светланы Цой.

[Вернуться к тексту](#)